

идей Вы у нас первый человек и сам Толстой сравнительно с Вами однообразен».

Эпистолярный, составивший два больших тома, диалог «Толстой — Страхов» начался несколько раньше. 18 марта 1870 года Толстой под впечатлением только что прочитанной статьи Н. Н. Страхова «Женский вопрос» (Заря. 1870. № 2), представляющей собой подробный, с сильным, но не фельетонным полемическим уклоном, аналитический разбор книги английского философа-позитивиста Д. С. Милля «О подчиненности женщин», пишет ему по поводу этой явно взволновавшей его критической работы. Некоторые положения статьи вызвали возражения Толстого, но многое показалось важным и значительным. Видимо, особенно привлекло внимание Толстого следующее место в статье, близкое его видению вопроса: «Отношения между полами, эти таинственные и многозначительные отношения, — источник величайшего счастья и величайших страданий, воплощение всякой прелести и всякой гнусности, настоящий узел жизни, от которого существенно зависит ее красота и ее безобразие, — эти отношения упущены из виду Миллем и не внесены им в женский вопрос. Это значит — философ выпустил из рассматриваемого явления самую существенную его сторону и думал однако же понять и объяснить явление (...) Все рассуждения Милля ходят только вокруг да около; его скептицизм и неправильные попытки приложения экспериментального метода всего больше и яснее свидетельствуют об одном — о слепоте к самым ясным явлениям, о глухоте к самым громким требованиям человеческой природы. Женский вопрос, так, как понимает его Милль, вытекает не из сущности отношений между женщинами и мужчинами, а из источников совершенно посторонних».⁶

Толстой, отчасти возражая Страхову, а заодно корректируя и дополняя его статью, оспаривает существование фантастических, придуманных критиком «бесполох женщин» и пишет о необходимости в современном обществе «несчастных блядей»: «Эти несчастные всегда были и есть и, по-моему, было бы безбожием и бессмыслием допускать, что Бог ошибся, устроив это так, и еще больше ошибся Христос, объявив прощение одной из них (...) Допустить свободную перемену жен и мужей (как этого хотят пустобрехи либералы) — это тоже не входило в цели Провидения по причинам ясным для нас — это разрушало семью. И потому по закону экономии сил явилось среднее — появление магдалин, соразмерное усложнению жизни (...) Мне кажется, что этот класс женщин *необходим* для семьи, при теперешних усложненных формах жизни».⁷ Взгляд парадоксальный, но не столь уж оригинальный — Н. Н. Гусев справедливо полагал, что эти суждения заимствованы из сочинения Артура Шопенгауэра «О женщинах».

Позднее Толстой от точки зрения на магдалин как на специфическое социальное явление, исполняющее полезные функции в обществе, отказался. Да и Страхову это письмо не отослал, возможно почувствовав, что несколько неудобно и экстравагантно начинать переписку с разговора о пользе для семейной жизни «несчастных блядей». Примечательно однако, что именно статья «Женский вопрос», а не критический анализ «Войны и мира», привлекла внимание Толстого, прямо или косвенно отразившись в целом ряде художественных и публицистических произведений, особенно в повести «Крейцеров соната», до которой, впрочем, тогда еще было далеко (далеко даже до «Анны Карениной»). В частности, уже в зародыше здесь присутствует один из мотивов повести: «Тот, кто жил с женщиной и любил ее, тот знает, что

⁶ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., 1882. С. 200.

⁷ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 2.